

Сестры

ДИАНА
КАРАХМАЗЛИ

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022 📖

ЛОНГ-ЛИСТ

ЛитРес:

Диана Карахмазли

Сестры

«Автор»

2021

Карахмазли Д.

Сестры / Д. Карахмазли — «Автор», 2021

Жизнь известной писательницы Нины круто меняется, когда ей неожиданно звонит старый друг – ныне главный прокурор города - и задает непростой вопрос: «Что может заставить пойти детей на одно из самых страшных преступлений – убийство родного отца?» И Нина, пережившая чудовищный опыт отношений с собственным отчимом, попытается найти ответ. Для этого ей придется встретиться лицом к лицу не только с виновницами произошедшего, но и со своими самыми страшными воспоминаниями о прошлом, которые удивительным образом перекликаются с настоящим.

© Карахмазли Д., 2021

© Автор, 2021

Диана Карахмазли Сестры

Не буди меня, мама.

Не буди, не буди, не буди меня!

Не буди меня. Не буди меня, мама.

В этом доме из стекла слишком много тех;

Слишком много тех, кого я не сберегла.

Не сберегла...

MANIZHA «МАМА»

.

– Добрый день! Вы позвонили по телефону экстренной помощи. Что случилось?

– Крики из соседнего дома, жуткие крики... кричит мужчина, кажется.

– Где вы находитесь?

– Одинцовский проезд. Приезжайте скорее. Тут очень страшно... Господи, да они все в крови, и направляются ко мне. Там точно случилось что-то страшное!

***

В семь утра Нину интересовал лишь один вопрос: существуют ли в реальности люди, которые любят рано вставать? А самое главное, умеют это делать. Например, какая-нибудь красотка открывает глаза, сладко потягивается на кровати, потом быстро встает, бодро идет в ванну, любуется своим отражением в зеркале, затем отправляется на кухню и одной рукой заваривает кофе, а другой готовит вкусный и непременно полезный завтрак. Или высший пилотаж – вместо кофе она со счастливой улыбкой готовит какой-нибудь витаминный заряд и недоумеваает про себя, почему люди предпочитают травить свой организм кофе. После этого она отправляется на пробежку или на фитнес, возвращается домой и довольная собой встает под горячий душ, радуясь, что первый час после ее пробуждения прошел так эффективно. Затем она вся такая свежая и прекрасная отправляется на работу, ловя на себе завистливые взгляды в дорожной пробке. Нине такой типаж был незнаком. Ей казалось, что подобные экземпляры – это как звери из красной книги, все знают, что они существуют, но никто их так и не видел.

Утро Нины начиналось с ненависти сначала к будильнику Антона, затем к самому Антону, а после того, как он трижды переставляет время на часах, каждый раз со словами «еще пять минуточек», в её голове проносились кровавые сцены убийства, где Антон, так или иначе, оказывается в роли жертвы. После того, как он наконец покинул спальню, она пыталась снова заснуть, но звуки, доносящиеся из кухни, не оставляли ей ни единого шанса, потому что даже пресловутый слон в посудной лавке вел бы себя тише. И вот она растрепанная, вылезает из кровати, стараясь избегать зеркал, бредет на кухню, в надежде, что в кофеварке что-нибудь еще осталось, а если нет, то у того, кто выпил её утренний кофе, есть три минуты, чтобы убраться из квартиры и не стать жертвой убийства.

Это утро ничем не отличалось от других, за исключением того, что вот уже неделю Нина не могла заставить себя сесть за написание новой книги. Она находила миллион других дел и каждый раз вполне искренне сетовала, что времени на книгу не остается, втайне радуясь, какая она молодец и как здорово научилась врать самой себе. Однако сегодня, проявив силу

воли, Нине пришлось взяться за работу, но попытки выдавить из себя хоть строчку успехом не увенчались, зато возникла идея прогуляться и насладиться красотой наконец-то, вступившей в свои права, осени. Её мысли прервал телефонный звонок, на дисплее высветился неизвестный номер.

– Здравствуй, милая, – раздался такой знакомый голос из телефонной трубки.

Нина нахмурилась:

– Я просила так меня не называть и больше мне не звонить.

– Подожди. Прости. Я звоню по делу и кроме тебя я не знаю, к кому еще обратиться. Нам надо встретиться.

– Я даже слушать тебя не хочу, не то, что видеть. Если бы мы жили в Америке, я бы уже давно получила запретительный ордер.

– Выслушай меня. Ты слышала о деле сестер Рагозиных?

– Мне кажется, о нем слышали все. Благодаря нему наш городок засветился в федеральных новостях. Жуткая история.

– Вот поэтому нам и надо поговорить. Там есть несколько обстоятельств, ты можешь мне в кое-чем помочь.

– А какой в этом интерес у тебя? С каких пор прокурора города интересует бытовое убийство?

– Ты же видела, какой резонанс в прессе оно вызвало? У нас отбоя нет от журналистов. В нашем городе такого еще не происходило. Об этом деле пишут все, кому не лень. Естественно, на меня начали давить из Москвы. Я не понимаю, что они хотят. Убийство совершено. Преступники под арестом. Доказательств навалом. Но нет, хотят подробностей. Почему, зачем, да как. Всякие организации правозащитные подключились. А ты знаешь, они просто так уже не отвалют. Сестры молчат. Что у них там дома происходило, непонятно.

– Я тебе, конечно, сочувствую. Выполнять свою работу это так утомительно, но я по-прежнему не понимаю, причем здесь я?

– Не кусайся, дорогая. Давай встретимся и я тебе все объясню.

На другом конце телефона Нина задумалась. О деле сестер Рагозиных она прочитала всю информацию, имевшуюся на сегодняшний день. Нина хорошо себя знала и понимала, что это убийство затронуло самые потаенные уголки ее души. Ее прошлого. Ей было не просто любопытно узнать, почему они его убили. Она хотела понять, как они решились на это. Откуда у девочек-подростков, про которых многие говорили, что они очень добрые и отзывчивые, взялось столько хладнокровия. Или это было состояние аффекта. Но в это ей почему-то не верилось. Аффект сразу у троих одновременно? Нет. Здесь что-то другое. Она ломала над этим голову. И вдруг звонок Марка. Она не знала как это воспринимать. С одной стороны, появлялась возможность, узнать чуть больше. С другой – Марк. Его широкая улыбка и глаза с поволокой. Никогда еще он не приносил в её жизнь ничего хорошего. Но соблазн собрать побольше информации и увидеть его был велик настолько, что Нина, скрепя сердце, ответила:

– Хорошо, Марк. Я не знаю, что тебе от меня надо и зачем я на это соглашаюсь, но давай через полчаса на нашем месте.

– До встречи, Нина.

***

Ровно через тридцать минут Нина шла по аллею одного из городских парков. Для нее главное отличие этого места от других заключалась в том, что каждый раз, придя сюда, она снова чувствовала себя девчонкой. Иногда ей казалось, что призрак юности до сих таится на этих дорожках и так и норовит подкинуть парочку приятных воспоминаний. Вот скамейка у самой кромки воды, где Нина пыталась написать свой первый рассказ, чуть подальше раскинулась аллея дубов, где она находила утешение после громких ссор с родителями. Чуть дальше на мостике, соединяющем две стороны парка, она первый раз по-настоящему целовалась с муж-

чиной, в которого влюбилась с первого взгляда и там же оплакивала эти отношения, спустя пару лет. Нине казалось, что за это время парк стал настоящим старым другом, негласным летописцем её истории, часть которой, кстати, не спеша прогуливалась неподалёку, и подкармливала местных уток.

Нина подошла к высокому мужчине, расправила плечи, чтобы казаться чуть выше и посмотрела ему прямо в глаза, с мстительным удовольствием, замечая, что вокруг глаз у него появились мелкие морщинки, а в волосах пробивалась первая седина. Однако к её сожалению, он все еще оставался одним из самых прекрасных мужчин, с которыми она когда-либо встречалась.

– Привет, Марк. Не могу сказать, что рада тебе, выкладываяй.

– Привет, Нина. А как насчет того, чтобы поинтересоваться моими делами, хотя бы из вежливости, – сказал Марк, не прекращая подбрасывать уткам хлеб. – Но, судя по выражению твоего лица, на подобные вопросы я не могу рассчитывать.

– Говори, зачем ты меня позвал, и я с удовольствием отправлюсь по своим делам.

– Что ты знаешь о деле сестер Рагозиных? – спросил Марк, отряхивая руки под неодобительным взглядом кряк, которые поняли, что большая кормежка окончена.

– Только то, что написано в интернете. Три сестры убили своего отца и после этого попросили соседей вызвать полицию. То ли потому что не хотели скрывать преступление, то ли потому что поняли, что крики отца слышали соседи и удержать все в тайне невозможно. Здесь мнение общественности сильно расходится. Когда девчонок задержали они сказали, что это была самооборона. Но, насколько я понимаю, ни доказать, ни опровергнуть этот факт пока не представилось возможным.

– В общем, да. С одной стороны все понятно, криминалисты нашли оружие убийства. Им оказался вполне обычный кухонный нож, отпечатки на нем совпали с отпечатками девочек. С другой стороны, это очень странная история. Жила-была обычная семья, на учете нигде не состояла, жалоб от соседей не поступало. Когда девчонок взяли, их сразу проверили на наркотики, но они оказались чисты. Отсюда вопрос, зачем им понадобилась убивать отца. Да, на их теле нашли синяки, но совершать убийство из-за этого?

– Кроме признания в убийстве девочки еще что-нибудь сказали?

Марк вздохнул и стряхнул со своих брюк остатки хлебных крошек, явно расстраиваясь, что хлеб подошел к концу, и ответил:

– А ничего. Они молчат. Совсем. Кто с ними только не пытался разговаривать. И следователи, и менты, и адвокаты, соцработники. Мы даже психологов разных приглашали. Все без толку. Их признание, конечно, ничего не изменит. Оружие убийства есть, показания соседей, которые слышали крики их отца есть, свидетели видели, как они выбегали из дома все в крови. Но знаешь, мне очень хочется понять мотив. Дело уже отправлено в суд, но хочется, чтобы там все обошлось без сюрпризов. Нашей репутации они не нужны. Поэтому мне очень хочется их разговорить. В общем-то, по этой причине я и пришел к тебе, Нина. Я хочу попросить тебя встретиться с одной из них.

– Марк, зачем? И чем я могу вам помочь? Я – писатель, а не психолог-консультант. – Нина растерянно улыбнулась, но в глубине души знала, чего от неё хочет Марк. Он слишком хорошо знал её и её историю. В свое время, она слишком близко подпустила его к себе и поэтому, услышав его дальнейшие слова, она совсем не удивилась:

– Нина, я уверен, что там не всё так просто. Сейчас им светит лет по пятнадцать. Но может быть, если мы узнаем, что там произошло на самом деле, что-то поменяется. И, памятуя о твоих отношениях с собственным отцом, мне кажется, что у тебя может и получится с ними разговор. Я вспомнил о тебе, когда увидел одну из сестер, среднюю. Её зовут Мария. Что-то в ней напомнило мне тебя, в тот год, когда мы познакомились. Мне кажется, что стоит сделать упор именно на нее, – Марк внимательно посмотрел на Нину и попытался взять ее за руку. –

Милая я хочу, чтобы ты попробовала помочь нам, но в первую очередь, конечно девочкам. Может быть, если ты им расскажешь о своем детстве, об отце, ты сумеешь их расположить к себе и они заговорят.

На секунду Нине показалась, что ей снова двадцать, и она готова согласиться на все, чтобы Марк ни предложил, но к счастью это состояние длилось ровно секунду. Она выдернула свою руку из его пальцев, и гнев начал застилать ей глаза. Не стоило ему упоминать её отца. На эти кнопки нельзя нажимать. Он знает об этом.

– Марк, ты говоришь так, как будто я уже дала свое согласие. Но нет. Я не буду ни с кем разговаривать. И помогать тебе тоже не буду. Не лезь в мою жизнь и не смей никогда, слышишь никогда говорить о моем отце! Тем более просить меня кому-то рассказать об этом! Иди к черту! – быстрой походкой Нина направилась к выходу из парка и до нее долетели слова Марка:

– Подумай, Нина, какую книгу ты сможешь об этом написать!

«Гад» – подумала про себя Нина и поспешила домой, не забыв, зайти в магазин за бутылкой вина. Без неё сегодняшний вечер ей было точно не пережить.

***

Маше было очень холодно. Она была уверена, что температура воздуха в камере была совсем ни при чем. Просто впервые за пять лет она вот уже несколько недель спала одна. Не было слышно привычного похрапывания Иришки, а в рот и нос не лезли длинные волосы Ольги, которая наотрез отказывалась на ночь заплетать косичку. Раньше она мечтала о том дне, когда она наконец-то будет спать одна в своей собственной постели. И никто не будет закидывать на неё свои руки и ноги или недовольно ворчать, что она заняла полкровати.

Но сейчас она отдала бы все на свете только для того, чтобы почувствовать тепло тел своих сестер. Она спала бы на самом краешке кровати, свернувшись в клубочек, как мышонок, а наутро и слова бы ни сказала девочкам о том, что они мешают ей спать. Но теперь это только мечты. Всё, что у нее есть сейчас – это четыре стены, продавленный матрас и несколько книг, которые ей передал адвокат. Они ни о чем его не просила, но в их последнюю встречу, он застенчиво протянул ей небольшой пакет и сказал, что может быть чтение хоть немного оживит её. Она пробормотала тихое «спасибо» и спустя несколько минут её вернули обратно в камеру. Хотя на самом деле ей очень хотелось поговорить с ним. Рассказать, почему она оказалась здесь, что случилось в тот вечер, но ее старшая сестра Ольга строго приказала молчать. Это последнее, что она сказала ей и Ирине. Сказала, что нужно молчать, потому что никто ничего не поймет и помощи им в любом случае ждать неоткуда. И их тайна должна оставаться только их... ну и еще одного человека. Перед глазами начали проплывать воспоминания об их последнем семейном обеде. Она, Оля и Ира сидели на кухне и доедали куриные крылышки, когда на тарелке оставалось совсем чуть-чуть, Оля вскочила со своего стула, мягко покружилась по кухне и жестом фокусницы открыла дверь морозильной камеры.

– Вуаля, дамы и господа, только сегодня и только сейчас на нашей кухне особенный гость, дробь, барабанные палочки, мороженое! – Ольга рассмеялась и положила стол три вафельных стаканчика. Клубничный, сливочный и шоколадный.

Иришка, тут же разорвала упаковку и вынула мороженое, еще через секунду она откусила большой кусок. Ольга посмотрела на нее и сказала:

– Дурище, кто же так ест мороженое. Его надо есть медленно. Смаковать. Вот так смотри, – Оля облизнула мороженое и зажмурила глаза от удовольствия.

Я смотрела на девчонок, не решаясь протянуть руку к своему стаканчику. В нашем доме мороженое было под строгим запретом. И кто-то должен был напомнить девочкам об этом:

– Ира, Оля, а если папа узнает о том, что мы съели мороженое?

Они обе посмотрели на меня, переглянулись и засмеялись. Через минуту, когда смех утих, Оля ответила:

– Маш, ну как он об этом сможет узнать? Во-первых, мороженое я покупала за наличные. Во-вторых, сейчас его нет дома. И ближайшие пару часов он не появится. В-третьих, фантики мы выкинем до его прихода. И потом, сколько всего мы в тайне делаем от него? И ты думаешь, что мы спалимся на каком-то вафельном стаканчике? Ну, не будет же он нам талию сантиметром замерять? Ты меня порой удивляешь. Надо же быть такой трусихой. И вообще, ешь мороженое и не порти нам удовольствие.

– Я – не трусиха. Просто, сейчас мы точно не знаем, когда он появится, поэтому лучше бы нам сидеть потише и не нарушать правил. Но, если ты так уверена, что в ближайшее время он не придет, то давай сюда мой стаканчик.

Девчонки снова засмеялись и после этого на кухне, на несколько минут воцарилась тишина, которая прервалась звуком, открывающего дверного замка. Иришка вскочила первая и начала метаться по кухне, думая, куда бы спрятать недоеденное мороженое. Ольга, как всегда была собрана и, быстро забрав у нас остатки стаканчиков, вместе с оставленными на столе, обертками выкинула их в мусорное ведро. Потом она замерла, обвела кухню глазами и увидела старый телефонный справочник, который пылился без дела уже сто лет, его она тоже отправила в мусорку, надеясь, что он послужит нам надежным союзником в сокрытии нашего небольшого преступления.

Когда отец вошел на кухню, он увидел своих дочерей, мирно сидевших за столом.

– Здравствуйте, мои хорошие, сокровища мои! Чем вы тут занимались? Почему я вижу пыль, а горячего обеда для любимого папочки не наблюдаю?

Ольга попыталась сказать, что мы ждали его только к ужину. Но ей нужно буквально пятнадцать минут и она что-нибудь придумает с обедом, а учитывая, что у неё такие замечательные помощницы справится она быстро и ему не придется долго ждать. Папа на удивление прибывал в отличном настроении, поэтому выслушав, сестру, благодушно улыбнулся и сказал, что ничего страшного не произошло, и он пока будет довольствоваться горячим чаем. После этого он ушел в свою комнату. Мы наконец-то выдохнули. Иришка улыбнулась и сказала:

– Фух, пронесло. Не заметил. И настроение у него сегодня отличное. Люблю такие дни.

Ольга быстро чмокнула ее в щеку и мы занялись обедом. Когда все было почти готово на кухню вернулся отец. Сел за стол, похвалил нас, сказав, что на кухне пахнет просто божественно, а после этого, обвел взглядом, кухонные полки спросил:

– Девочки, а где телефонный справочник? Он лежал на верхней полке.

Мы замерли, обдумывая ответ, но Иришка нас опередила, сказав:

– Мы его сегодня выкинули. Он был такой старый и пыльный. И кому он нужен? Только, если мамонтам, но они давно вымерли.

Отец медленно повернул голову и посмотрел внимательно на каждую из девочек, благодушие медленно исчезало из его глаз, уступая место лихорадочному блеску, не предвещающего ничего хорошо, затем он покраснел и начал кричать.

– Каким к черту мамонтам? Где справочник? Там лежит важная вещь! – после этого он поднялся и подошел к нам.

Ольга стала пятиться в сторону мусорного ведра и со словами «простите девочки, не пронесло», открыла дверцу. После этого отец ее грубо оттолкнул, вынул из мусорки справочник, покрытый розовыми, белыми и коричневыми липкими пятнами, посмотрел на нас и прошипел:

– А это, что такое?

Мороженое густой лужицей стекало по его руке.

***

После встречи с Ниной Марк еще немного побродил по парку, раздумывая, стоит ему сегодня возвращаться на работу или все-таки поехать домой, где его будет ждать вкусный обед, бокал коньяка и прелестная, готовая ко всему, Кристина в одном из своих соблазнительных халатиков. Направляясь к машине, он так ничего и не решил. И даже после того, как он завел

двигатель и тронулся с места он так и не понял в какую сторону ему ехать. Он думал о Нине и их разговоре. Откровенно говоря, он не рассчитывал получить отказ. Он понимал, что она вряд ли будет рада его видеть, памятуя о том, как тяжело они расставались. Сколько времени еще должно пройти, для того, чтобы они смогли нормально общаться? Прошло шесть лет, неужели нужно ждать еще столько же? А может быть причина в том, что они слишком часто сталкивались за эти годы. В городе ее знали и любили. Его просто знали. Ее приглашали на все городские мероприятия, потому что хотели там видеть. Его звали, потому что были должны это делать. С ней общались легко и непринужденно, перед ним все больше заискивали. Она получала удовольствие от всех этих собраний, открытий, вручений. Он всё это ненавидел, но продолжал приходить. Себе он это объяснял тем, что ему все-таки небезразлично то, что происходит в городе. Но наедине с собой он признавал, что на самом деле он хотел увидеть Нину. Хотя бы издали. Нет, он не был юнцом, который увивался за дамой и не знал, что ей сказать. Видеть Нину – удовольствие особого толка. Вот она стоит, губы растянуты в улыбке, кто-то пожимает ей руку и говорит что-то смешное на ухо. Её прекрасный смех заполняет все вокруг. Издали она кажется такой цельной, такой притягательной, надежной, успешной, уверенной в себе. Но он знал, что стоит подойти поближе и заглянуть поглубже, как можно увидеть темноту, заполненную шрамами и увечьями, невидимыми для человеческих глаз. Он любил в ней эту темноту. И получал наслаждение от того, что был уверен, что он единственный человек, который знает какая она на самом деле. Он смотрел на нее пристально, ровно до тех пор, пока её прекрасная головка не поворачивалась в его сторону и они встречались глазами. Он видел ее оцепенение, оно длилось буквально секунду. Но даже этой секунды хватало, чтобы испытать уверенность, в том, что она его не забыла и он по-прежнему для нее что-то значит. После того, как вышла ее первая книга, он был уверен, что она уедет в Москву. Тем более все вокруг говорили, что у нее роман с кем-то из издательства. И вопрос о ее переезде решен. Но она всех удивила, вернувшись в свой родной город вместе с тем типом, о котором говорили. Он оказался какой-то шишкой в издательстве, уставшей от столичного шума, и перебрался вместе с Ниной сюда. Марка это совершенно не напрягло. После их расставания у нее случались романы, но никогда ничего серьезного. Поэтому, когда он услышал о том, что Нина и московский клоун поженились, всего лишь после двух месяцев совместного проживания, он был настолько взбешен, что не успел оглянуться, как уже въезжал во двор ее дома, но выходя из машины, он осознал, что сказать ему будет нечего. После их расставания, она была вправе творить все, что угодно. В конце концов, это он разорвал их отношения. О чем иногда жалел. Например, сейчас. Дело Рагозиных заставило его в подробностях вспомнить о другом деле. Личном. Нинином. Когда он увидел одну сестер, среднюю – Марию и заглянул ей в глаза, по его спине прошел холодок. Этот взгляд он однажды уже видел: отчаянный, растерянный, загнанный. Такими глазами на него смотрела Нина много лет назад. И именно в этот момент интуиция шепнула ему, что этих двоих непременно надо познакомить. Если у кого и получится разговорить Марию, то это будет Нина. И неважно, какую цену заплатит каждая из них. Собственную интуицию надо слушать, в этом Марк был абсолютно уверен. Свою блестящую карьеру от простого следователя до прокурора города он построил, опираясь на свое непревзойденное чутье, которое еще ни разу его не подводило. Поэтому Нину придется уговорить или заставить встретиться с Марией, а добровольно она это сделает или по принуждению, будет зависеть от нее. В этой ситуации для себя он видел сплошные плюсы. И девчонку, может быть, удастся разговорить, и Нина будет рядом. Их сегодняшняя встреча напомнила ему о том, как давно он не был к ней так близко. Не чувствовал ее запах и не касался кожи. Как хорошо ему, когда она рядом. Он снова и снова перебирал свои ощущения после встречи с ней, в голове стали проноситься воспоминания о том, какой безумный секс у них был когда-то, как ему сносило голову, только от одного взгляд на нее. Да и что там, до сих пор сносит. Поэтому сейчас выбор для него был

очевиден. Нужно ехать домой, напрямик в объятия Кристины. И сегодня ей придется простить Марка, потому что думать он будет совсем не о ней.

***

Ольга была рада оказаться в одиночной камере. Наконец-то долгожданная тишина. Если бы ее постоянно не дергали на бесконечные допросы и экспертизы, было бы вообще хорошо. Нет, конечно, ей не хватало нормального душа, телефона и свежей одежды, но сейчас без всего этого можно обойтись. Главное – она одна. Расчесывая пальцами свои длинные волосы, она думала о девочках. Об Ире и Маше. Она надеялась, что о них мало-мальски заботятся. Особенно об Иришке. Она была самой уязвимой из них троих. Сейчас Ольга ругала себя за то, что младшая сестра оказалась здесь с ними. Когда они разбирались с отцом, Иру надо заставить уйти куда-нибудь из дома. И ей бы не пришлось проходить через все это. Но она настояла на своем. Мол «один за всех и все за одного». Идиотский старый фильм. И фраза идиотская. Не надо было смотреть его с девочками. Лучше бы включила им «Том и Джерри» или еще какую-нибудь фигню и не было бы этих дурацких разговоров о благородстве и единстве. «Когда твой друг в крови...» и все прочее. Иришка обожала смотреть «Трех мушкетеров», ни один диснеевский мультфильм не вызывал в ней столько восхищения, как история о четырех друзьях и Леди Винтер. Она даже упростила отца купить книгу. Хотя в чем он никогда им не отказывал, так это в книгах. Главное, чтобы они были в одобренном им списке. Кстати, по иронии судьбы «мушкетеров», в списке не было. Поэтому, пока Ира не сказала, что фильм – это экранизация романа Дюма, отец об этом не знал. А он не любил чего-то не знать, особенно, когда ему прямо на это указывали. В тот вечер Иришка отделалась огромным синяком на пол-лица, зато потом ходила довольная, не выпуская книгу из рук. А Ольга в очередной раз винила себя в том, что не смогла предотвратить новый синяк у сестры. Ее сердце всегда болело за Иру. Она была самой младшей из них троих и, несмотря на это, от отца ей доставалась не меньше, чем им с Машей. Но, если они уже привыкли к тому порядку вещей, то для Иры это так и не стало частью жизни. Каждый раз, когда отец поднимал на нее руку, она широко раскрывала глаза от удивления, а потом долго плакала и поминутно восстанавливала события, пытаясь понять причину жестокости на этот раз. Как правило, она винила себя и уже через пару дней она бросалась отцу на шею и все время говорила ему, как она его любит. И это не было притворством. Она действительно его любила и верила его методам, которые он сам называл «достойным воспитанием». Ольга всегда считала, что Иришка не от мира сего, она была совершенно на них не похожа. Ее реакция на слова или поступки других людей всегда отличалась от реакции старших сестер. Казалось, что у нее был свой мир, в котором она находила убежище от реальности. И на других людей она тоже смотрела сквозь призму этого «мира». И Ольга невольно делала все для того, чтобы уберечь Иру и ее собственный купол от окружающей их действительности. Отношение к Маше отличалось. В Маше было то, что Ольге тоже бы хотелось видеть в себе. Маша была оплотом спокойствия и безразличия. Машины слезы Ольга видела дважды за все время. Первый в ту памятную ночь, о которой не хотелось вспоминать. Вторым в тот вечер, когда они расправились с отцом. Иногда Ольга думала, что если бы они были стихиями, то непременно сама она была бы огнем, Иришка – воздухом, а Маша была бы самой обманчивой и непредсказуемой, спокойной и в тоже время разрушительной. Без сомнений, она была бы водой. И в тот их последний вечер, к удивлению Ольги, она превратилась в цунами.

***

Вернувшись домой, после встречи с Марком, первым делом Нина снова и снова искала в интернете подробности о деле сестер Рагозиных, но чем больше она читала статей, интервью каких-то родственников, соседей и даже одноклассников девочек, тем больше она запутывалась в собственных мыслях. Больше всего ее интересовала мать девочек. О ней не было почти ни слова, за исключением строчек «мать с дочерьми не проживала». «И где же ты проживала, мать-кукушка?» – спрашивала Нина у самой себя. Любопытство почти взяло верх. И она уже

потянулась за телефоном, чтобы позвонить Марку и узнать о матери побольше, но в последний момент поняла, что этот звонок будет расценен как согласие ввязаться в это дело. С другой стороны, так ли важно было знать, чем занималась и где жила мать этих девочек. Мама Нины, например, жила вместе с ней, знала обо всем, но так и не вмешалась. И Нина ей этого так и не простила. Мысли о маме вытеснили из головы все остальные. Каждый раз Нина пыталась справиться с ними по-разному. Иногда она писала от руки в ежедневнике все то, что она хотела бы сказать своей маме, потом она вырывала страницы и спешно выкидывала их, не желая, чтобы они попались на глаза мужу. Иногда она отправлялась на пробежку, а иногда вот как сейчас она набирала горячую ванну, добавляла соль и пену, густую и ароматную, добавляла пару капель эфирного масла в воду, а рядом непременно ставила большой бокал красного вина.

Нина скинула с себя одежду, вдохнула чувственный аромат иланг-иланга и добавила к нему каплю масла пачули. После этого она не спеша погрузилась в воду, закрыла глаза, сделала большой глоток из бокала и постаралась расслабиться. Постепенно ей удалось успокоить хаос, бушующий внутри. И только слова Марка, сказанные ей на прощание, все никак не выходили из головы. «Подумай, Нина, какую книгу ты сможешь об этом написать!» – сказал Марк и Нина действительно задумалась. Она знала, что сейчас не самый творческий и продуктивный период в ее жизни. Поток идей иссяк, а те, что приходили на ум, казались заезженными и неинтересными даже ей. С другой стороны, тема любых взаимоотношений детей и родителей была ей чужда, потому что каждый раз, когда она задумывалась над этим, то понимала, что не сможет об этом писать. Нина привыкла быть честной и откровенной со своими читателями, а тема семьи была для нее подобна минному полю. Но сейчас ей казалось, что может быть пришло время. История сестер откликалась в ее сердце, затрагивала что-то запретное то о чем возможно пора написать.

Ее размышления прервал стук в дверь. В дверном проеме показалась голова мужа.

– Нина, вино в три часа дня? Поделишься поводом? – Антон окончательно зашел в ванную комнату, прислонился к стиральной машинке и сделал глоток вина.

– Привет! Никакого повода нет. Есть творческий кризис.

– И ты решила пойти по стопам всех великих, решив, что вино – лучший источник вдохновения?

– Попробуй доказать мне обратное, дорогой! – Нина засмеялась, хлопнула ладошкой по воде и ароматная пена разлетелась по ванной.

– Ладно, ладно, я понял! Но все-таки на тебя это не похоже. Впрочем, если ничего серьезного не произошло, то не буду тебе мешать. Вдруг и правда, тебе что-то придет в голову, – Антон открыл дверь, готовясь выйти и оставить Нину, но ее слова, сказанные тихо и неуверенно заставили его вернуться.

– Мне сегодня звонил Марк. И мы с ним успели встретиться.

Антон удивился. Он знал о Марке. И даже чуть больше, чем ему хотелось. Пару лет назад, когда они с Ниной начинали встречаться, она честно все рассказала об отношениях с этим человеком. Когда он переехал вместе с ней сюда, он навел о Марке дополнительные сведения, чтобы окончательно убедиться, что Нинин бывший тот еще фрукт. Впрочем, удивления у него это не вызвало. По его личному мнению и обширному опыту общения с людьми, наделенными хоть какой-нибудь государственной властью, все они были более менее похожи и не вызывали никакой симпатии, за очень редким исключением. Марк точно не входил в число исключений.

Он знал, что Нина не поддерживает с ним никакой связи. И даже, когда они встречались на каких-нибудь мероприятиях, она держалась особняком. Поэтому новости о том, что она с ним виделась, Антона удивили. И на мгновение ему даже показалась, что в нем шевельнулось что-то подозрительно похожее на ревность, но уже через секунду он обрадовался, убедившись, что ему и вправду всего лишь показалось.

– Ты сегодня встречалась с Марком, а теперь лежишь в ванне и пьешь вино. У меня есть повод беспокоиться, дорогая?

Нина пристально посмотрела на мужа и решила, что вне зависимости от того какое решение она примет он должен быть в курсе.

– Он говорил со мной о деле сестер Рагозиных.

– Это те, которые убили своего отца?

– Да.

– А причем здесь ты? – Антон нахмурился в ожидании ответа жены. Потому что он искренне не понимал, как она может быть связана с этими малолетними преступницами.

– Марк предложил написать мне об этом свою новую книгу.

– То есть в роли вдохновения у нас теперь выступает Марк, а не вино... – пробормотал Антон себе под нос.

– Что ты сказал? Я не расслышала, – Нине было интересно повторит ли Антон то, что он только что сказал. Они оба знали, что проблем со слухом у Нины никогда не было.

– Я сказал, что было бы здорово, если бы ты закончила свои банные процедуры и все мне подробно рассказала. Я пока поставлю в кофе, – Антон вышел из ванны, оставив Нину одну.

– В турке, пожалуйста – донесся до Антона голос Нины.

Через час после того, как Нина рассказала Антону о разговоре с Марком, на кухне повисла тишина. Первым прервал молчание Антон:

– Нин, если серьезно, идея мне нравится. Я, правда, до сих пор не понимаю, что у тебя общего с этими девицами, но если Марк уверен, что тебе удастся вывести на разговор хоть одну из них, то стоит попробовать. Репортаж из тюремной камеры...звучит неплохо, а? Не Чарльз Мэнсон, конечно...

– Ты считаешь, что книга должна быть построена в формате интервью?

– Да, что-то похожее. «Откровения убийцы» как тебе название? – Антон рассмеялся. – Ладно, знаю, что банальщина, не смотри на меня так.

Нина смотрела на Антона и что-то ее очень беспокоило. Нет, то что он отправит ее даже в ад за хорошим сюжетом ей было понятно. Хоть он и был ее мужем, но как он сам говорил, в первую очередь он оставался ее издателем. Но тут было что-то еще, что-то такое, что она никак не могла уловить.

– Нина? Я с тобой разговариваю?

– Да, извини, я отвлеклась. Что ты говорил?

Антон вздохнул и продолжил:

– Я вижу по твоему лицу, что тебе не нравится эта идея. В чем дело? Ты не хочешь работать с Марком? Все дело в нем? Мне казалось, что перед тем, как идти в загс со мной мы обо всем договорились.

– Дело не в Марке, – тут Нина кривила душой. Настоящая фраза звучала бы так «дело не только в Марке».

– Тогда я не понимаю.

Нина верила Антону. Понять он действительно не мог, по той простой причине, что она никогда не рассказывала ему о своей семье. «Родители умерли» – говорила Нина. Хотя дело обстояло не так. Вернее не совсем так. Антон вообще мало чего знал о настоящей жизни Нины. Она умело смешивала какие-то правдивые факты из своей биографии с абсолютным вымыслом. Например «мой отец был неплохим человеком и мы вместе по вечерам любили собирать конструктор», а про себя добавляла «а потом ночью, он приходил ко мне в комнату и занимался со мной совсем другими вещами». Или еще «мне было десять лет, когда я узнала, что он мне не родной отец, а отчим, но в наших отношениях ничего не изменилось», после этого Антон хлопал Нину по руке и говорил как ей повезло, что она росла в полный семье и какой чудесный у нее отчим, который принял ее как родную дочь. Нина в ответ улыбалась, а сама

вспоминала обстоятельства при которых узнала, что ее родной отец исчез еще до ее рождения. Она помнила как мать вошла домой после работы и увидела как дочь, сотрясаясь от рыданий, лежит на полу, а над ней стоит он. Мать скинула сапоги и сразу кинулась к Нине со словами «Доченька, милая, что случилось?». Десятилетняя Нина с видом побитой собаки обняла мать, уткнулась в ее плечо и тихо сказала: «Он меня трогает». Мать стала спрашивать, кто ее трогает, зачем и почему. Нина также тихо добавила: «Папа. Папа трогает меня между ног». Мать на секунду замерла, а потом отвесила большую оплеуху и закричала: «Дрянная малолетняя, ты на кого наговариваешь? Ты, что выдумываешь? Да этот человек вырастил тебя, как родную дочь! Твой биологический папуля сделал ноги, как только узнал, что я беременна! А потом я встретила Олега, когда тебя родила. Шмотки, игрушки, да все, что у нас есть! Это все он купил! А ты про него такие вещи говоришь! Пошла вон в свою комнату!». Маленькая Нина, давась, слезами поплелась в свою комнату и последнее, что она услышала, были слова матери: «Олеженька, ты прости ее дурочку. Я не знаю, зачем она это выдумала. Я нисколько ей не верю, ты не думай». Слова отчима прозвучали для Нины, как пощечина: « Не извиняйся, милая. Я все равно люблю нашу Ниночку и никогда вас не брошу. Просто у девочки возраст такой и она всякое выдумывает. Это пройдет. Я знаю»

Нина не могла все рассказать Антону. Не хотела. Ей нравилось быть для него этакой классической девчонкой. Со счастливым детством, любящими родителями, с багажом веселых детских воспоминаний. Иногда, она даже начинала верить в то, что все именно так и было, но правда все равно нагоняла ее. И ей оставалась лишь запоминать, что именно она рассказывает мужу, чтобы ему не удалось подловить ее на нестыковках. Но сейчас она жалела, что никогда не рассказывала ему правды, потому что как объяснить ему свое нежелание ввязываться в дело Рагозиных, она просто не знала.

– Антош, ну представь, мне придется ездить в тюрьму к этим девочкам, просить их что-то мне рассказать. И не факт, что они вообще захотят мне что-то говорить. Еще Марк. Я могу потерять кучу времени, не пойми на что. Какое-то сомнительное предприятие.

– Дорогая, зато, если они заговорят, то будет бомба. Марк – явно не дурак. И раз он предлагает тебе что-то подобное, значит, верит в твой успех. Вряд ли он стал бы просто так терять время с тобой. Что касается ваших отношений, то он знает, что ты замужем и потом он же сам тебя бросил. Я думаю, что опасаться нечего, и тебе стоит согласиться на его предложение.

– Я не знаю. Я не уверена.

– Нина, как твой издатель и муж я считаю, что надо соглашаться. История может получиться очень интересной. Тем более ты еще никогда не работала в этом формате. Будет интересно.

– Спасибо. Я учту твоё мнение, но хочу еще раз все обдумать.

– Если в ближайшее время, дорогая, я не увижу, что ты начала работу над новой книгой, нашему издательству придется задуматься стоит ли продлевать с тобой контракт. А так, конечно, поступай по-своему, – Антон поцеловал Нину в нос, провел рукой по ее волосам и уехал по делам, оставив ее в одиночестве.

Нина принесла из ванны недопитую бутылку вина, поставила ее к себе в кабинет, переоделась, захватила чистый бокал, открыла ноутбук и снова вбила запрос в поисковую строку «Сестры Рагозины».

***

Спустя половину бутылки вина и пять статей Нина поняла, что она может строить сколько угодно предположений, выискивать версии, но в конечном итоге узнать правду можно только одним путем. И она не была уверена, стоит ли на него вставать. Разбередит ли она свои раны? Сможет ли разговорить девочку? А, если все ее предчувствия о том, что в этой семье было что-то не так, окажутся ложными? Вдруг, все куда проще. И на самом деле они убили его, потому что он запрещал им гулять с мальчиками и ходить на дискотеки. Внутренний голос

Нины почти кричал «Позвони Марку! Соглашайся. Ты не ошибаешься. Там действительно происходило что-то страшное». Но Нина старалась его игнорировать, потому что собственные чувства ни раз сыграли с ней злую шутку. Голова начала потрескивать от выпитого и Нине захотелось прилечь, но перед этим она должна была сделать одну вещь. Выйдя из своего кабинета, она отправилась в их с мужем спальню, подошла к комоду в самом дальнем уголке комнаты, выдвинула самый нижний ящик, отложила его в сторону и в образовавшейся полости нащупала маленькую книжку, на деле оказавшейся ее старым семейным альбомом. Нина росла еще в то время, когда люди делали фотоснимки на обычные мыльницы, затем распечатывали их в какой-нибудь фотостудии и распределяли получившиеся, по фотоальбомам. Нина открыла первую страницу альбома, на первом снимке ей четыре, она улыбается в камеру, обхватив руками огромного плюшевого розового слона. Того самого, которым отцу выплатили зарплату в один из голодных месяцев. На следующей странице две фотографии, на одной она обнимает маму, которая готовит что-то на кухне, на другой она сидит на коленях у отца. Отца. Нина мысленно себя ругает и в который раз напоминает себе не «отца», а «отчима». Прошло столько лет, а она до сих так и не смогла себя переучить. Она продолжает листать старые фото и натывается на то, где ей восемь и она идет в первый класс. Она хорошо помнила тот день. Мама заплела ей роскошные косички с двумя бантами и нарядила ее в красивую школьную форму, а папа в тот день подарил ей короткую и тонкую золотую цепочку с подвеской в виде птички, обнял ее и прошептал: «наконец-то ты стала взрослой, моя девочка» – что означала эта фраза Нина узнала буквально в тот же вечер, когда мама задержалась на работе, а она оставалась дома одна с Олегом. Нина захлопнула альбом, почувствовав, что она нашла то, что искала. Эти воспоминания, гнев и злость на саму себя. За то, что молчала, позволяла и не сбежала, когда стала понимать, что ничего не изменится. Нина снова отправилась в кабинет, подумав о том, что может быть стоит открыть еще одну бутылку вина, но вовремя себя остановила, подумав о том, что же скажет Антон, когда увидит, что одной ей было мало. Разыскав свой телефон, она набрала номер Марка, в мембране потекли длинные гудки и каждый гудок совпадал с ритмом её сердца. Когда он наконец ответил, она обратила внимание на его тяжелое дыхание:

– Марк, привет! Я тебя отвлекаю? Я могу перезвонить?

– Говори, я тебя слушаю. Ты приняла решение?

– Да, я согласна на твоё предложение.

В трубке повисла тишина. Нина была уверена, что Марк отключил динамик.

– Марк? Марк? Ты здесь?

Нина бросила трубку, не предполагая, что в этот момент она могла сказать «Марк» еще сто пятьдесят раз, но он бы все равно ей не ответил. Он в этот момент кончал.

Через пять минут ей пришло сообщение с адресом и временем, куда и когда надо подъехать.

***

Иру снова осматривали врачи. Она знала, что будет дальше. Сейчас ее снова осмотрят и зададут вопросы, где и при каких обстоятельствах она получила синяки. Она как всегда промолчит, и после этого ее отведут к психологу. Там будет похожий сценарий. Ей снова будут задавать вопросы и показывать картинки, просить нарисовать семью и все такое. И если честно, то ей бы даже нравилось ходить к психологу, если бы та не пыталась все время задавать вопросы о ее семье.

В больничной палате ей нравилось чуть больше, чем в тюремной камере. Здесь, по крайней мере, было светло. Но мысли о сестрах, оставшихся далеко, не давали покоя. По ночам она часто просыпалась в слезах, и в кровати было мокро. Ей было стыдно оттого, что она начала мочиться в постель, как какой-то младенец. И каждый раз, когда санитарки меняли белье, чувство жгучего стыда заполняло ее до краев и вырывалась наружу водопадами слез. За это ей тоже было стыдно. Одна старенькая санитарка как-то не выдержала и обняла ее, сказав, что

она не виновата, врачи говорят, что так у нее выражается посттравматический синдром. Ире от этого легче не стало. Она не была дурочкой и словосочетание «посттравматический синдром», где-то слышала. Но правда там речь шла про людей, вернувшихся с войны или людей, которые пережили какие-то бедствия. По ее мнению, с ней ничего такого не происходило. Она жила, наверное, так же как и большинство ее ровесников. За хорошее поведение ее хвалили, за плохое ругали. Единственное, ей казалось, что в остальных семьях ребята получают больше сладкого. Но от сладкого портятся зубы, и фигура становится отвратительной. Во всяком случае, так говорил папа. Так что может быть, он и был прав. Пусть остальные едят свое мороженое, а она Иришка будет стройной и с хорошими зубами. Хотя втайне она давно сама себе пообещала, что, когда она станет взрослой и будет жить одна или хотя бы с сестрами, ее холодильник будет ломиться от сладостей. В нем не будет ничего, кроме сладкого. Один раз она даже попыталась попросить принести шоколадку санитарку бабу Люду. Она была добрее всех к Иришке в этой больнице и была единственной, кому Иришка позволяла гладить себя по голове. Прикосновения всех остальных вызывали у нее дрожь и покалывание в области висков. А баба Люда была другой. Она не задавала Ире вопросов, не ругала ее за мокрые простыни и всегда приносила чуть больше еды, чем остальные. Но на просьбу о шоколадке ответила отказом, сказав, что за такое ее могут и уволить. Зато спросила, что может Иришка хочет чего-то помимо еды. Думать над ответом долго не пришлось: «Книгу о трех мушкетерах, пожалуйста, пожалуйста!».

Баба Люда всплеснула руками и ответила: «Эту мутотень? Может этого, как его «Гарри Поттера»? Он повеселее будет». Иришка заверила ее, что «Три мушкетера» – именно то, что нужно. Баба Люда изумленно посмотрела на девочку и пообещала, что спросит у врачей, можно ли будет передать книгу. Иришка всю ночь гадала, получится ли у бабы Люды принести книжку.

Утром началась, уже ставшая привычной, рутина. Врачи, осмотры, вопросы. Санитарка не появлялась. Думать о чем-то другом Иришка не могла и поэтому неожиданно для самой себя спросила у психолога:

– Простите, что перебиваю. Вы не знаете, а баба Люда придет сегодня?

Психолог удивленно подняла глаза на девочку. За две недели сеансов из нее приходилось вытягивать слова клещами, не говоря уже том, чтобы та вдруг начала задавать вопросы.

– Ира, а баба Люда это кто?

– Санитарка. Старенькая такая, но очень добрая. Высокая и волосы в пучке, – Ира энергично размахивала руками, чтобы более убедительно описать санитарку.

– А, так это Людмила Петровна наша. Она тебе нравится, да? – психолог подвинулась поближе к девочке и доверительно улыбнулась.

– Да, нравится. Она...она вчера пообещала мне, что попробует принести книжку про «Трех мушкетеров». Но сегодня я ее весь день не видела и подумала, что может быть, вы знаете, где она.

– Знаю. Ее смена начнется только вечером. Скажи, а почему именно книга про «трех мушкетеров» тебе так нравится? Что в ней особенного.

Иришка улыбнулась и заговорила. – Знаете, там про все! И про дружбу, и про приключения, и про любовь. И про то, как здорово, когда у тебя есть люди, на которых ты всегда можешь положиться, которые всегда будут с тобой заодно. Это так похоже на наши отношения с Ольгой и Машей. Вы знаете... – Ира запнулась, испуганно посмотрела на доктора, укоряя себя, что чуть не сболтнула лишнего, хотя обещала Ольге молчать. Затем обрадовалась, что вовремя остановилась и опустила глаза в пол.

Психолог тем временем радовалась тому, что из девочки удалось вытащить хоть что-то, и решила взять на заметку «теплые отношения с «бабой» Людой». Она была уверена, что это ей пригодится. В конце концов, для помощи ребенку все средства хороши. А пока:

– Что ж, Ира, на сегодня я думаю, мы закончили, пойдем, я провожу тебя в палату. А про книгу, знаешь, я думаю, что тебе ее сегодня принесут. И еще, мне стыдно признаться, но я никогда не читала роман Дюма. Экранизацию смотрела, конечно, а вот до книги руки так и не дошли. Как ты смотришь на то, что я прочитаю книгу, и мы обсудим ее на наших последующих сеансах.

У Иры округлились глаза, – Анна Алексеевна, книга же такая большая! Как вы ее осилите?

– Не переживай, я быстро читаю, – улыбнулась Анна Алексеевна, – так, как ты смотришь на мое предложение?

– Конечно, я согласна! Наконец-то мне будет с кем о ней поговорить. Читайте скорее!

Анна Алексеевна взяла Иру за руку и повела в палату, благословляя про себя Александра Дюма, каждого мушкетера и советских сценаристов во главе с режиссером, которые сэкономят ей кучу времени.

Ближе к ночи в палату к спящей Ире на цыпочках вошла баба Люда. Аккуратно, чтобы не разбудить ребенка, она погладила ее по голове, а на прикроватную тумбочку положила книгу Александра Дюма. Постояла немного, понаблюдав за Ирой, вздохнула и отправилась на дежурство, еще не зная, что эта ночь будет первой, после которой простыни на утро будут сухими, а кошмары понемногу начнут отступать.

***

Впервые за много месяцев Нина проснулась раньше Антона. Сегодня она увидится с Марком и познакомится с одной из сестер – Марией.

Нина тихо вылезла из теплой постели и на носочках вышла из спальни. Будить Антона не хотелось. Идеальный план заключался в том, чтобы покинуть квартиру до его пробуждения и остаться незамеченной. В это утро Нине хотелось побыть одной и привести мысли в порядок. Всю ночь она ворочалась, потому что пыталась представить, как все будет. Вот она заходит в помещение, и туда заводят девочку. Или наоборот, она войдет, а девочка будет ее ждать. Как Марк ее представит. И, если он скажет, что она – писательница, не отпугнет ли это ребенка. Нет, точно надо попросить Марка пока ничего не говорить. А, вдруг он уже что-то сказал? Нет, не мог. Так, ладно. Это все неважно. С чего ей начать беседу и как сделать так, что Мария с ней заговорила? В общем, проведя бессонную ночь, Нина так ничего и не придумала, кроме одного – утро она должна провести в одиночестве, комментарии и вопросы Антона могут ее только разозлить и выбить из колеи, а ей необходимо собраться. Поэтому в пять утра Нина тихо вошла на кухню, затворив дверь. Было еще темно, и Нина включила маленький светильник. Открыв дверцу холодильника, она поймала себя на мысли, что от вида еды ее начинает подташнивать, но если она сейчас не поест, днем ей станет гораздо хуже. Приготовив омлет на скорую руку, Нина вспомнила, что так и не поставила кофе. Чертыхнулась, запустила кофеварку и постаралась начать думать о чем-то не имеющем отношения к сегодняшнему дню. Первая мысль была очевидной – что надеть. Вторая – стоит ли делать макияж. Через несколько минут и первая, и вторая мысли стали казаться абсурдными. Где-то там сидят три девчонки и гадают о своей дальнейшей судьбе, а она задумывается о шмотках и макияже. Нина нахмурилась, продолжая мысленно корить себя, а внутренний голос ехидно заметил: «Не о девочках, Ниночка, ты думаешь. А о Марке. Что ей надеть? Как накраситься? Слабачка». Нина сделала глоток кофе и с сожалением призналась сама себе, что внутренний голос прав. В это утро она думала о Марке. И в наказание решила, что наденет первое, что попадется под руку, а косметика продолжит пылиться на полках трюмо. Настроение Нины заметно улучшилось, и она отправилась в душ, решив, что чистых волос сегодня будет достаточно.

Через час Нина вновь очутилась на кухне, часы показывали начало седьмого утра, а встреча с Марком у СИЗО была назначена на девять. Чем заняться в оставшееся до встречи время она не представляла. Рука потянулась к телефону, для того, чтобы еще раз покопаться

в интернете и почитать еще раз все, что писали СМИ о деле сестер, но в процессе она поняла, что это лишнее и может помешать в беседе с Марией. И вместо этого, сама не зная, зачем это делает, написала Марку «Это странно. Но я уже собралась и теперь нервничаю». Отправив сообщение, Нина мысленно застонала и подумала, что все-таки она дура, потому что, скорее всего Марк, как нормальный человек, еще спит и, зная Марка, скорее всего, не один. Отменить отправку не представлялось возможным и ей оставалось смириться с собственной глупостью. Через пару минут телефон завибрировал у нее в руке, Нина с удивлением посмотрела на экран и увидела сообщение «Могу забрать тебя через двадцать минут». В ответ она отправила короткое «ок» и поспешила накинуть верхнюю одежду и спуститься вниз.

Через двадцать минут во двор ворвался черный джип и остановился прямо перед Ниной. Боковое стекло машины опустилось, и Нина увидела Марка. Он широко зевнул и поспешил выйти из машины, чтобы распахнуть перед Ниной дверь. Нина перевела взгляд с Марка на машину и обратно.

– Что такое, милая? Тебе требуется отдельное приглашение? Присаживайся.

– Нет, не нужно. Последний раз, когда я с тобой ездила твоя машина выглядела скромнее.

– Ты нашла, что вспомнить. С тех пор столько воды утекло. А я все-таки прокурор города.

– Теперь мне понятно, на что идут мои налоги.

– Нина, советую тебе закрыть лавку с идиотскими шутками. Полезай в машину и не морочь мне голову.

Нина собралась было продолжить дискуссию, но поняла, что время выбрано не подходящее.

Сев в машину, Марк внимательно посмотрел на Нину и сказал:

– Ты сейчас похожа на ворону или на леди-смерть. Никак не могу определиться. Но выглядишь зловеще, – засмеялся Марк.

– Отвали, Марк, – сказала Нина, протянула руку к зеркалу и еще раз окинула себя взглядом. Черные брюки, черная рубашка, застегнутая на все пуговицы, отсутствие косметики. Все в порядке, разве что волосы надо бы убрать, подумала Нина и стала пытаться заплести косичку, но слова Марка отвлекли ее.

– Эй, дорогая. Не надо раскидывать свои волосы по моей машине. Когда моя девушка, а она надо заметить блондинка с каре, найдет в моей машине длинные коричневые волосы, она непременно устроит мне скандал, – Марк замолчал и потом тихо добавил. – Тем более мне ты всегда нравилась с распущенными волосами.

– Блондинка? Я думала твою спальню, чаще посещают шатенки, в крайнем случае, брюнетки.

– Я их чередую. Блондинок, шатенок, брюнеток. В нашей стране проблема только с рыжими. Так что если у тебя есть рыжая подружка можешь дать ей мой номер телефона.

– Ты ничуть не изменился.

– Ошибаешься, Нина. Я очень изменился, но тебя это не касается, впрочем, как и то, кто посещает мою спальню, – Марк внимательно посмотрел на Нину, думая о том, что сейчас он был излишне резок. Но лучше так, чем вероятность того, что она узнает, насколько важное место она занимала в его жизни все эти годы.

Нина решила ответить молчанием. До встречи с Марией оставалось чуть более двух часов, и теперь она жалела о том, что написала Марку. Он в свою очередь, словно почуяв, ее настроение остановил машину.

– Здесь рядом есть местечко, где варят приличный кофе и готовят неплохие сэндвичи. Что думаешь?

– Марк, сейчас только семь утра. Они, наверное, закрыты.

– Они работают круглосуточно. Ты посидишь в машине, а я прогуляюсь за кофе. Двойной капучино, как всегда?

- У тебя отличная память, – Нина впервые за утро искренне улыбнулась.
  - Я быстро. Никуда не уходи, – сказал Марк, покидая машину.
- Нина проводила его взглядом, откинулась на спинку и закрыла глаза.

***

Маше снилась комната. Комната, в которой было множество дверей. И за одной из них ее ждала мама и девочки. Оставалось только верно определить за какой именно. Интуитивно она понимала, что у нее есть только одна попытка, право на ошибку не было. Что притаилось за остальными дверьми, она не знала, но было уверена, что ничего хорошего ждать не придется. Она металась по кругу, подходя то к одной двери, то к другой. И наконец, ее выбор пал на тяжелую металлическую дверь, ручка которой напоминала штурвал, но тоже была сделана из металла. Она пыталась ее повернуть, и когда у нее почти стало получаться, сквозь лязг и скрежет она услышала женский голос:

- Рагозина! Рагозина, подъем!

Маша очнулась от сна, открыла глаза и поняла, что она по-прежнему находится в камере, и дверь тут одна и сейчас она открыта. Маша зажмурила глаза, пытаясь урвать, хотя бы еще одну минуту сна и понять удалось ли ей открыть ту самую нужную дверь.

- Рагозина, последнее предупреждение!

Маша резко вскочила с кровати, и еще не совсем понимая, что происходит – спросила:

- Который час?

- Семь утра. Сейчас ты позавтракаешь, а затем я отведу тебя помыться.

- Так рано? Я мылась три дня назад. Мне, наверное, сейчас не положено.

- У тебя посетители сегодня, Рагозина! На еду даю десять минут.

Дверь захлопнулась. Маша ничего не понимала. Для завтрака было еще рано. А до посещения душа, по ее прикидкам, оставалось еще несколько дней. Если бы под «посетителями» подразумевали «адвоката», то вряд ли ее бы так рано подняли. На визит мамы она давно перестала надеяться, поэтому загадочные «посетители» не выходили у нее из головы. С другой стороны, кем бы они ни были, она была им благодарна хотя бы за возможность внепланово посетить душевую. Завтрак, как всегда, был малосъедобен, но мысли о пятнадцати минутах под теплой водой помогли его проглотить.

***

Марк вернулся с двумя стаканчиками кофе и двумя сэндвичами, как и обещал. Молча протянул Нине капучино, и в машине повисла тишина, которая нарушалась лишь шуршанием бумаги, в которую были упакованы бутерброды. Каждый из них думал о своем. Нина о том, как построить разговор с девочкой, а Марк прикидывал, на какое количество нарушений он пошел для того, чтобы организовать эту встречу. И чем дольше он об этом думал, тем яснее понимал, что у человека его положения перспектив, конечно, больше было в столице. Но здесь, на своем месте, у него был один неоспоримый бонус – он мог делать то, что считал нужным и особо не оглядываться на руководство, которое сидело высоко, но с «видеть далеко» были проблемы. И даже, несмотря на то, что в кои-то веки у него в руках оказалось по-настоящему резонансное дело, ему дали полный карт-бланш, лишь с одной установкой: сестер надо посадить. Во-первых, чтобы другим «дочерям» неповадно было решать семейные проблемы таким способом, а во-вторых у убитого имелись какие-то пусть хлипкие, но связи, которые требовали того же. Обвинительного приговора. И, в общем, Марк был с ними согласен. Убийцам место в тюрьме. Но всем вокруг было понятно, что дело неочевидное и надо бы разобраться, хотя бы для того, чтобы журналисты и правозащитники, наконец, замолчали. Марк знал, что у девочек был мотив. Он понял это сразу, как только посмотрел в их глаза, а потом уже экспертизы подтвердили, что он не ошибся. Но сестры молчали, и ни одна из них не обронила ни слова, для

того, чтобы себя оправдать. И можно было бы закрыть на это глаза, поторопить суд, посадить их и забыть, как о страшном сне, но он не мог. Потому что в его жизни уже была женщина, которая прошла через что-то подобное и, если бы у него была возможность, он бы разорвал ее обидчика сам, голыми руками. Но эта мразь ушла от ответственности и сейчас находилась черт знает, где и черт знает с кем. Глядя на сестер, он думал о Нине и о том, что возможно жизнь дает им шанс протянуть руку помощи кому-то, кто оказался в подобной ситуации. Но для этого сестры должны заговорить и рассказать, что происходило у них в доме. И, если Марк верен в своих предположениях, то он попробует им помочь. Нет, он не рассчитывал, что их могут оправдать, но робкий червячок внутри повторял ему только два слова «суд присяжных». Дата проведения предварительного слушания уже была назначена, и до нее оставалось совсем немного времени, а это означало, что Нина – его последний шанс.

Нине всегда было интересно знать, что творится у Марка в голове. Например, когда он думал о чем-то важном, как сейчас, со стороны можно было подумать, что он занят чтением какой-то невидимой книги. Казалось, его глаза соскальзывают с одной строки на другую, а губы, иногда, шевелятся в такт чтению. Нина, которая когда-то жила с Марком, знала, что когда он впадает в такое состояние, его лучше не отвлекать, а спокойно отправиться по своим делам. Но сейчас они сидели в машине, и Нине было жизненно необходимо с кем-то поговорить и попытаться составить примерный план действий. Поэтому она решилась:

– Марк, прости, что я тебя отвлекаю, но я совершенно не представляю, с чего мне начать сегодняшний разговор с Марией. – Не увидев, никакой реакции на свои слова Нина аккуратно потрепала Марка по руке. После этого он вздрогнул и перевел взгляд на Нину. – Марк, я тебе говорила о том, что...

– Да, я услышал тебя. Для начала прекрати волноваться. Я тоже не знаю, как тебе начать разговор. Интуиция мне подсказывает, что действовать ты будешь по ситуации.

– А где будешь ты в этот момент?

– Марии семнадцать лет. Она несовершеннолетняя. Поэтому оставить тебя с ней один на один я не смогу. Но так как ваша беседа носит частный характер, я буду рядом с вами, в соседнем помещении. Она меня не будет видеть, а формальности нам удастся соблюсти.

– Ладно, так даже спокойнее, знать, что ты где-то рядом и, если что сможешь меня подстраховать. Кстати, я давно хотела спросить, а где мать этих девочек? Я поняла, что вместе с ними она не жила. Но виделась ли она с ними? Почему она ушла? Почему не забрала дочерей с собой? Ты можешь мне что-нибудь об этом рассказать?

Марк остановил машину, посмотрел на часы, достал пачку сигарет и заговорил:

– Знаешь, бывают такие люди, вот смотришь на них, глаза добрые, улыбаются, стараются быть вежливыми, правильными, пытаются всем угодить, но чем дольше с ними общаешься, тем яснее понимаешь, что с ними что-то не так. В общем, зовут ее Галина Рагозина, сейчас ей тридцать восемь лет. С отцом девочек, Владимиром Рагозиным, познакомилась двадцать лет назад. Работала в швейном ателье. Впрочем, и сейчас продолжает там работать. Родила ему за это время трех дочерей. Вместе они прожили около пятнадцати лет. Она говорит, что человеком он был требовательным и агрессивным. За неподобающее поведение мог ударить. А я так понимаю, что под категорию «неподобающее» могло попасть, что угодно.

– Марк, а почему она это терпела?

– Она говорит, что любила его и верила в то, что он пытается из нее сделать «достойную женщину». Тем более, его агрессия распространялась только на нее. Дочерей он не трогал. Мог отругать, но физические наказания никогда к ним не применялись. Один раз соседи услышали крики из их дома, вызвали ментов. Они приехали и со слов Галины, оказались знакомыми ее мужа. Протокол составлять не стали, поговорили с ним и уехали. После этого муж припугнул соседей, сказал, что еще раз вмешаются в его разборки с женой и менты приедут уже к ним.

Ну, соседи больше и вмешивалась. А Галина утверждает, что он ей угрожал, что, если сама заявит в полицию или побои снимет, то дочерей она больше не увидит.

– А то, что дети росли в такой атмосфере, ее не смущало?

– Нина, прекрати меня перебивать. В этой истории, итак черт ногу сломит. Дослушай меня. На чем я остановился?

– «Дочерей больше не увидит».

– Да. Так вот. Отвечая, на твой вопрос про «зачем терпела» и «атмосферу», скажу тебе следующее. Я, может быть, выскажусь жестко, но это мое мнение. Такова ментальность русских женщин. Не зря поговорка «Бьет – значит любит» появилась на свет именно в России. И я не удивлюсь, если сами женщины ее и придумали.

Нина закатила глаза, криво улыбнулась и ответила:

– О, Марк, ты еще скажи, что «Домострой» тоже придумали женщины.

– Нин, «Домострой» это совсем другая история. С удовольствием, об этом с тобой поговорю, но позже, – Марк взглянул на часы. – У нас осталось около часа до встречи с Машей. Дай мне закончить. В общем, все так и продолжалось. Галину он периодически бил, она продолжала верить в то, что он ее любит, но в один прекрасный день, ей не удалось отделать парочкой синяков. Ее ненаглядный муж, сломал ей пару ребер, нос и правую руку, чему имеются документальные доказательства, а именно справка из травмпункта. Как она туда доехала сама, я не очень понимаю. Она говорит, что не помнит из-за сильной боли. Вроде бы поймала такси. Но факт, что в этот раз она обратилась в больницу, правда, отказалась говорить, где и как получила травмы. Врачи оказались нормальными ребятами и сами вызвали полицию, им она сказала, что упала с лестницы. Я не знаю, поверили они ей или нет, но уехали. Со слов Галины, больше она домой не возвращалась. Сказала, что сил у нее больше не было, и этот раз стал последним. Владимир ее искать не стал, видимо, довольный тем, что она оставила дочерей. Следователям вся эта история показалась странной и они решили опросить друзей и коллег Галины, которых оказалось совсем немного. Все они в один голос жалели ее и говорили каким ужасным человеком был ее муж. Все, кроме одной. Ее подруга детства, о которой нам Галина забыла рассказать, поведала очень интересную историю о том, что Галина до знакомства с Владимиром, встречалась с неким молодым человеком, которого любила без памяти. Этого парня, кажется Артема, впрочем, не важно, посадили за сбыт наркоты, и Галочка буквально через месяц выскочила замуж за Владимира. Но буквально пару лет назад, этого Артема выпустили и он пришел в ателье, где работала наша несчастная жена, и, по словам подруги, роман разгорелся вновь, несмотря на страх, что Владимир обо всем узнает. Что, в общем, и произошло. Он узнал о том, что она ходит «налево», избил ее и выставил вон. И из этого становится понятно, почему он не стал ее искать. Кстати, родственники убитого эту версию подтверждают. Галина же теперь говорит, что с Артемом, она сошлась уже после того, как муж ее выставил. Но в чем смысл вранья? В общем, как бы то ни было, девчонки остались с отцом одни. Галина говорит, что он запретил им с ней общаться, но она подлавливала их либо около школы, когда те выходили с занятий, либо когда кто-то из них выходил в магазин. По ее словам, девочки никогда не говорили ей о том, что происходит дома. И об убийстве она узнала из новостей. Сейчас она настаивает на их невиновности. Вот и все в общем-то.

– Да, это история тоже какая-то странная. Как и все, что касается этого дела. Я думала, что если я что-то узнаю о их матери, это хоть немного мне сегодня поможет, но я ошиблась. И я по-прежнему не знаю, как начать разговор. Сколько у меня будет времени?

– Один час. Нина, постарайся специально ничего не придумывать. Действуй по ситуации, опирайся на внутренние ощущения. И да, нам пора, поехали, – Марк завел машины, убрал пачку сигарет в бардачок и повинуясь, какому-то мимолетному желанию, взял Нину за руку и бережно сжал ее ладонь. Нина никак не отреагировала и продолжала смотреть в окно. Марк надавил на газ и про себя подумал, что сегодняшнее утро ему по душе.

***

Нина шла по пятам за Марком, представляя себя Тесеем, попавшим в лабиринт. Одинаковые коридоры и кабинеты, в которые заглядывал Марк, с кем-то он здоровался, кому-то делал замечания, Нина старалась не вслушиваться и думать только о том, что через несколько минут ее представят девочке. В комнате она оказалась первой, Марк кивнул конвоирам, и те кивнули в ответ. В комнате повисла тишина, которая прервалась только скрипом отворившейся двери. В комнату привели девушку, сняли с нее наручники. Она настороженно смотрела вокруг, прощелестела тихое «здравствуйте» Марку и села напротив Нины, опустила глаза и только по легкому движению ресниц Нина поняла, что девушка продолжает ее изучать. Марк посмотрел на обеих и сказал:

– Мария, это Нина и я хочу, чтобы она с тобой побеседовала. Я буду совсем рядом и, если ты захочешь уйти, тебе сразу стоит об этом сказать.

Мария кивнула Марку и невидящим взглядом начала изучать свои руки и только, когда Марк собрался выйти из помещения она спросила:

– Простите. А Нина...новый следователь или?

Марк секунду помедлил с ответом. – Или. Она сама тебе все расскажет, – Марк посмотрел на Нину, по движению губ она поняла, что на прощание он прошептал ей «удачи». Нина и Мария остались вдвоем.

Нина посмотрела на девочку. Она знала, что ей семнадцать, но с первого взгляда, ей показалось, что та выглядит гораздо старше своего возраста, хотя, безусловно, Мария была красавицей: высокая, худая, с чуть заостренным лицом, на котором особенно выделялись высокие очерченные скулы и серые глаза, спрятанные под пушистыми ресницами, а собранные в длинную косу, темные волосы удачно дополняли образ. Сейчас она выглядела очень бледной, с впавшими щеками и потухшим взглядом, на лбу залегла морщинка и в каждом жесте чувствовалась усталость.

Они сидели друг напротив друга и обе чего-то ждали. Мария – вопросов, а Нина помощи шестого чувства. Она проиграла в голове все возможные сценарии и пришла к выводу, что терять ей, в общем-то, и ничего. В крайнем случае, она выйдет отсюда, пожмет плечами и скажет Марку, что у нее ничего не вышло, после этого она поедет домой и постарается забыть обо всем, как о страшном сне. Спустя десять минут, Нина глубоко вздохнула и попыталась начать беседу, ровно так и советовал Марк, опираясь исключительно на интуицию.

– Привет, как ты уже слышала меня зовут Нина и я бы хотела с тобой поговорить? Ты не против, если я буду тебя называть Машей, потому что Мария звучит через чур, официально, а у нас достаточно конфиденциальный разговор.

Мария не стала ничего ей отвечать, а просто пожала плечами, что означало «делайте, что хотите». Нина, в свою очередь, ожидала услышать хотя бы короткое «да». Все вопросы, которые крутились в голове у Нины, казались ей глупыми и нелепыми, вся затея с этой беседой тоже начинала казаться абсурдной, Нина почувствовала прилив злости на себя и на Марка за то, что позволила втянуть себя в это. Еще вчера в мыслях, ей казалось, что она все-таки найдет, что сказать, но сейчас, когда перед ней сидела эта девочка, она поняла, что ее самонадеянность была по меньшей мере глупой. Что сказать, о чем спросить, когда перед тобой сидит девчонка, которая совсем недавно вонзили нож в сердце собственного отца. Нина решила, что все, что она может это действовать в лоб и не пытаться ничего изобрести, а посему она набрала в легкие побольше воздуха и начала говорить.

– Итак, еще раз. Меня зовут Нина и я пишу книги. Разные. Иногда беру за основу реальные преступления.

– Вы хотите написать книгу обо мне и о моих сестрах? – Мария оторвалась от созерцания своих ладоней и посмотрела прямо на Нину.

– Да, – Нина замолчала, а потом добавила, – или нет. Это будет зависеть от нас обеих.

– Я думаю, что это плохая идея, и вы все равно ничего не поймете. Так что, если вы не против, я могу идти? – Мария начала отодвигать стул, намереваясь закончить разговор и уйти.

– Подожди! – Нина судорожно пыталась придумать, что бы такое сказать, что могло заставить остаться девочку еще хотя бы на пару минут. – Хочешь узнать, почему я стала писательницей?

Маша снова неопределенно пожала плечами, явно пытаясь продемонстрировать свое безразличие. Нина достала из кармана брюк фотографию, сложенную пополам и протянула Марии, тем самым заставив ее сесть на место и снова придвинуться к столу.

– И что я должна здесь увидеть? – спросила Мария, глядя на фото.

– Смотри, на этой фотографии изображены я и мой отец. Черт, нет не отец, отчим. Отчим. Мне на этом снимке восемь лет. И в восемь, я написала свой первый детский рассказ. А знаешь, когда мне в голову пришел первый сюжет? Посреди ночи я проснулась от того, что почувствовала, как чья-то рука гладит меня по ноге, забираясь все выше и выше и, когда я... я поняла, что эта рука уже в моих трусиках, – Нина замолчала, закрыла глаза, а потом резко выпалила. – Я открыла глаза и увидела отчима. Сначала я хотела закричать, но мое горло как будто что-то сдавило и вместо крика, я шепотом спросила у него, что он делает. Он улыбнулся и приложил палец к губам, сделав мне знак «молчать» и сказала, что это такая новая игра. Но мне было так неприятно, страшно, я не понимала, что происходит, сердце колотилось и колотилось, я не могла успокоиться. Тогда я зажмурилась и стала представлять какой-то лес, в котором я гуляю, а навстречу мне выходят заколдованные звери и какие-то лесные люди. Я вообразила принцессу, которая вдруг заснула в собственной постели, а проснулась в каком-то чудесном месте. Именно проснулась, потому что это точно был не сон! И после этого, она стала жить двумя жизнями. Одной днем, с мамой и папой, а по ночам она переносилась в сказочный лес, к своим новым друзьям. Знаешь, сколько рассказов я придумала за восемь лет? – Нина чувствовала, что ее голос предательски задрожал, срываясь на верхние нотки, она пыталась взять себя в руки, но тщетно. Она поняла, что еще чуть-чуть, и она начнет кричать. – Если бы я захотела, то смогла бы опубликовать целое собрание сочинений. Ночью ко мне приходил отчим, а днем я писала рассказы, которые рождались в темноте. Так в восемь лет я научилась уходить от реальности и создавать свой вымышленный мир, в котором нет чудовищ. Зачем мне были нужны чудовища там, в то время как здесь их полно. Верно? – дыхание Нины сбилось, она стала ловить ртом воздух, а внутренний голос давал команды «беги, уходи, пусть девочку забирают».

Нину трясло, она резко встала и стул, на котором она сидела, опрокинулся назад, Маша вздрогнула и поднялась на ноги, инстинктивно попыталась взять Нину за руку и обнять, как она уже не раз делала со своими сестрами, когда у тех начиналось что-то типа истерики. Нина выдернула свою руку и позвала Марка, тот ворвался в кабинет, позвал конвоиров, чтобы те увели Марию. Когда они вошли, Маша дала себя увести, но все это время не отрывала свой взгляд от Нины, чьи покрасневшие глаза, говорили о том, что она пытается сдержать слезы. Когда девочку увели, Марк крепко прижал к себе Нину, а она позволила себя обнять, обронив только одно:

– Выведи меня отсюда, пожалуйста. Мне нужно на воздух.

Через пять минут, когда они оказались на улице Марк решил, что с разговорами надо подождать и просто предложил отвести ее домой. Нина отказалась, сказав, что чуть позже она ему позвонит. Марку оставалось лишь проводить глазами ее хрупкий силуэт и гадать выйдет ли что-то из сегодняшнего эксперимента.

***

Нина шла по знакомым улицам, в голове не было никакого конкретного маршрута, поэтому она бродила по городу, абсолютно бездумно поворачивая то налево, то направо, периодически она выходила на улицы, на которых, как ей казалось, она раньше не бывала, но, несмотря на это она продолжала идти вперед. Несколько раз у нее мелькнула идея вызвать

такси, но мысль о том, чтобы оказаться в четырех стенах ее совсем не прельщала. Посмотрев на часы, она окончательно убедилась в том, что дома ей делать нечего, потому что муж еще не отправился по делам, а объясняться с Антоном у нее точно желания не было. Вспоминая свой разговор с Марией, Нина ругала себе за излишнюю эмоциональность. Нине казалось, что она давно научилась владеть собой, но сегодня все иллюзии пошли прахом и та гигантская работа, проделанная над собой, оказалась обманкой, пшиком и чем-то смешным. Сейчас Нина явно понимала, что она так и не решила свои детские проблемы. Она научилась жить, не вспоминая о своем детстве, вычеркнув из своей жизни тех двоих, кто знал, через что ей пришлось пройти. С Марком все было просто, он сам отказался от нее. С матерью сложностей тоже не возникло. Вот уже много лет после их памятного разговора Нина ничего о ней не слышала. Подробности последней беседы с матерью, как назло, сразу же забрезжили в памяти, но Нина сразу же отогнала их, во избежание еще большего стресса. Сегодняшняя беседа обернулась полным провалом, виноватым в котором была она. А самое главное, почему она так слепо доверилась Марку, с чего она взяла, что с сестрами происходило то же самое, что и с ней. На основании статей в интернете и подозрений Марка? Наверное, ей просто хотелось в это поверить. В то, что рядом есть кто-то еще. Кто-то, кто прошел через то, через что прошла сама Нина. А главное, что этому кому-то можно помочь, поддержать. То есть все то, в чем так остро нуждалась Нина в свое время. Тем временем, блуждая далеко в своих мыслях, Нина не заметила, как оказалась в парке, горько усмехнувшись, она в который раз убедилась, что какие бы несчастья не происходили в ее жизни, она неизменно оказывалась здесь, среди знакомых аллей и деревьев. Пятнадцать лет назад она приходила сюда после школьных занятий и сидела до самых сумерек, не желая возвращаться, домой и коротать время до прихода мамы в компании отчима, который жутко злился из-за этого, но поделать ничего не мог, за исключением того, что происходило по ночам. Но в темноте было проще, там можно было спрятаться от всего, что происходило наяву, но днем, когда яркий свет бил в глаза, а за окном громко кричали и смеялись дети, Нине казалось, что она в аду и ее крик со словами «папочка, не надо» громко тонул в смехе ее ровесников. С тех пор Нина полюбила темноту, прощая ей все ужасы, которые выпали на ее долю.

В то же самое время, пока Нина предавалась самобичеванию в парке, Марк, уверенными шагами, направлялся в камеру, где находилась Мария. Ему необходимо было убедиться, что с ней все в порядке. Работки изолятора неодобрительно косились в его сторону, явно не приветствуя, его методы ведения дел, но Марку было плевать. Сегодня работают одни, завтра другие, он уже давно перестал считаться с линейным персоналом, считая себя выше этого. В данный момент его интересовала, лишь девочка. Когда он вошел в камеру, Мария сидела на полу, привалившись к стене, обхватив ноги руками. Подняв глаза, на звук, открывающиеся двери она увидела Марка, нахмурилась и сделала попытку встать, но, не удержавшись на ногах, приземлилась на корточки. Марк улыбнулся, протянул ей руку и помог подняться. Они оказались лицом к лицу друг к другу, и никто не решался ничего сказать. Первой заговорила Мария:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.